

О.А. Сухова

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ФАКТЫ

В последние десятилетия проблема терроризма приобретает все более выраженные черты зловеще-пугающего элемента повседневности, что провоцирует рефлексию как обыденного, так и научного сознания. Поиск ответов на вопросы об истоках и своеобразии террористической деятельности неизбежно формирует определенный этноконфессиональный подтекст, а память о XX веке, можно предположить, что в историографии терроризма российскому следу уготовано стать ключевым объектом внимания. Вряд ли случайным можно назвать тот факт, что «Народная воля» именуется сегодня первой в современном мире террористической организацией¹. Болезненная актуальность проблемы терроризма длительное время препятствовала ее концептуализации, но ведь если пренебрегать анализом исторических корней (экономических, политических, социокультурных, мировоззренческих, психологических), уходящих глубоко в прошлое, общество не излечить от вируса терроризма, и нет гарантии повторения прежних ошибок.

¹ Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917 / Пер. с англ. М., 1997. С. 13.

Уже первое знакомство с проблемой революционного терроризма в российской истории заставляет задуматься о дефиниции природы самого явления. Современные словари фиксируют внимание читателя на синонимичности понятий «террор» и «физическое насилие, вплоть до убийства»². В этом отношении любые формы насилия, подпадающие под широкое определение революционного террора (бомбометания, экссы, покушения, погромы и пр.), по своему размаху и разрушительному влиянию на общество будут позиционироваться как уникальный в своем роде социальный феномен, породивший новый тип революционера³. В этом случае имеет смысл говорить и о стихийном (без явно выраженной идеологической окраски) терроре толпы⁴. Продолжая эту линию, можно согласиться с М. Мерло-Понти в том, что по большому счету история сама является террором и революционеры действуют по соображению, что «непредсказуемость будущего и роль человеческих отношений в истории делают политические расхождения неустранимыми, а хитрость, обман и насилие неизбежными». Поэтому в случае, когда террор становится рациональной стратегией, уместно говорить о терроризме как технологии умышенного порождения страха и манипуляции им для достижения определенных целей, что осуществляется посредством использования насилия или угрозы его применения⁵.

Рассмотрев терроризм в информационно-семиотическом контексте, В.Б. Петухов приходит к выводу о том, что предназначение теракта есть передача некоего послания, направленного властной элите, определенным общественным кругам или социуму в целом и отражающего миро-

² Ожегов С.И. Словарь русского языка: 53 000 слов М., 2005. С. 1041.

³ В историографии русского терроризма замечание П.Б. Струве о рождении нового героя, об освобождении революционной психики от всяких нравственных сдержек (См.: Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль. 1911. Кн. 10) поддержали О.В. Будницкий и А. Гейфман. Сегодня тезис об уникальности русского террора воспринимается исследователями в качестве аксиомы. См.: Гаврин Д.А. Генерал В. Ф. фон-дер Лауниц и революционный террор в России в начале XX века // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2009. № 6. С. 154.

⁴ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 448.

⁵ Холмс Р. Терроризм, жестокость и ненасилие // Метафизические исследования. Вып. 216. Этника: Альманах Лаборатории метафизических исследований. СПб., 2005. С. 349-369 // <http://ec-dejavu.ru/t-2/Terrorism-3.html> (дата обращения: 5.10.2012).

воззренческие позиции адресатов⁶. Подобное толкование имеет определенное сходство с ритуальной концепцией бунта, а следовательно, наделяет признаками массового терроризма погромные выступления и иные формы социального протеста в периоды русских революций. В частности, в одной из своих работ Д.И. Люкшин описывает «классическую» модель, сценарий крестьянского беспорядка, трактуемый автором как «приглашение к диалогу», социальное действие, сигнализировавшее верховным властям о дисфункции основ моральной экономики. Как отмечает автор, в рамках традиционного общества существовали определенные правила, освященные традицией крестьянско-властной коммуникации, выполнение которых создавало некие гарантии стабильности системы патримонных отношений. Первой реакцией крестьянства на нарушение «условий договора» являлась демонстрация негодования; при обострении ситуации речь шла уже о мелких нарушениях; в случае если и при этом землевладелец продолжал наступление на крестьянский сегмент системы, происходили собственно беспорядки, «призванные информировать о «несправедливости» высшие органы власти»; после чего следовало применение карательных санкций, а затем урегулирование ситуации⁷. С другой стороны, О.В. Будницкий считает некорректным механическое объединение терактов, осуществленных в период революции 1905–1907 гг., когда насилие стало массовым, с «точечными» ударами Боевой организации⁸.

Столь широкое толкование термина серьезно усложняет возможность его классификации. Действительно, под определение террора подпадают насильственные действия индивидуального (неорганизованного) и коллективного (организованного) характера, устрашение своих противников по религиозному, национальному, политическому, идеологическому (социальному) признаку и т.д. Еще одним критерием классификации могут выступать масштабы применения террористических действий, и тогда мы говорим об индивидуальном или массовом терроре, направленном как против политических институтов, так и конкретной социальной общности. Применение насилия государственными структурами в

⁶ Петухов В.Б. Терроризм в информационно-семиотическом и мифологическом контексте // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 92.

⁷ Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 88.

⁸ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 342 // <http://www.kouzdra.ru/page/texts/budnickiy/final.html> (дата обращения: 05.10.2012).

значительных масштабах и во внесудебном порядке тоже может рассматриваться как террор. И наконец, насильственные действия в отношении революционеров или государства в контексте борьбы с правящим режимом и ответная реакция властей также трактуются как террор, в свою очередь, революционный или правительственный.

Оценивая проявления терроризма, Р.Г. Апресян считает необходимым выделять прямые карательные террористические акции, направленные непосредственно против исполнителей определенной политики или против тех, кто принимал определенные политические решения, которые воспринимаются террористами как несправедливые и враждебные; косвенные карательные акции, направленные против тех, кто в глазах террористов связан с авторами или исполнителями враждебной политики; и, наконец, акции, направленные на достижение определенных политических целей и не связанные с убийством людей или причинением им чрезмерного ущерба. В связи с этим нужно дифференцировать уголовный терроризм и терроризм политический, а в последнем в свою очередь различать бунтарский, повстанческий и государственный терроризм⁹.

Остается открытым и вопрос о времени возникновения и периодизации терроризма. Синонимичность понятий «террор» и «политические убийства» все же не позволяет проецировать истоки происхождения данного явления, скажем, на эпоху античности. Появление терроризма в современном понимании этого слова как качественно нового явления стало возможным лишь в результате технического прогресса, связанного с изобретениями, которые многократно усилили его эффективность и пропагандистский эффект. Его повитухами можно назвать динамит и телеграф. Достаточно обоснованным представляется мнение О.В. Будницкого, обозначившего в качестве начального периода превращения терроризма в систему последнюю треть XIX столетия¹⁰.

В силу вышесказанного следует признать, что и историография революционного терроризма в России находится пока в стадии своего формирования, когда процессы постановки ключевых сюжетов концепции еще не обрели надежного фактического обоснования. Этот факт позволил А. Гейфман в начале 1990-х гг. констатировать отсутствие монографических исследований волны террора в период правления Николая II (1894–1917)¹¹.

⁹ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 16.

¹⁰ Будницкий О.В. Терроризм... С. 11–12.

¹¹ Гейфман А. Указ. соч. С. 14.

Убийство В.К. Плеве. 1904 г.

Нет нужды говорить о том, что террористические аспекты были широко представлены в историографии освободительного движения в России в советскую эпоху, но именно как сопутствующие моменты в критических рассуждениях о мелкобуржуазной сущности тактики террора. Подобный парадокс историографической ситуации, когда при обилии работ по революционному движению в России история терроризма как самостоятельная исследовательская проблема начала изучаться сравнительно недавно, исследователи объясняют сохранившимся влиянием марксистского подхода в российской историографии, а в западной — тем, что в ней главенствующая роль отводится социальному фактору¹².

В начале 1990-х гг. над концепцией «русского террора» начинает работать О.В. Будницкий. В своих работах автор последовательно выстраивает концепцию философских, этических и психологических основ терроризма в русском освободительном движении второй половины XIX — начала XX века¹³. Стоит отметить, что в историографии 1990-х гг. четко прослеживается стремление вписать феномен революционного терро-

¹² Там же. С. 15.

¹³ Будницкий О.В. Кровь по совести: терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX века) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203-208; История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д, 1996; Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2000 и др.

ризма в систему либеральных ценностей, базирующуюся на идеях свободы личности и гражданского достоинства и, следовательно, осуждающую любые проявления политического насилия. Эта тенденция отчасти сохранилась и в последующие годы. Вместе с тем в последнее десятилетие исследователи зафиксировали новую тенденцию, выраженную в попытках интерпретации террористической деятельности с позиции государственных приоритетов¹⁴.

Переходом на следующий рубеж осмысления данного феномена можно назвать появление серьезных исследований по историографии российского революционного терроризма, выполненных на уровне докторских диссертаций. В частности, в своем исследовании А.А. Бакаев на основе анализа широкого круга источников (мемуарной и научной литературы) приходит к выводу, что в идеологическом, организационном и техническом отношении две террористические волны российского революционного движения существенно различаются. Корректно вести разговор лишь о некоторой степени духовного родства между террористами народовольческой и эсеровской генераций. Максималисты и анархисты представляли совершенно иной тип боевика по сравнению с «Народной волей»¹⁵.

Среди наиболее перспективных исследований истории политического террора в России в начале XXI века следует особенно отметить историко-культурологический анализ моделей поведения различных групп населения, в той или иной степени причастных к подготовке или проведению террористических актов, изучение особенностей восприятия политического терроризма различными группами населения¹⁶. Следует согласиться с мнением В.Э. Багдасаряна и А.А. Бакаева о необходимости разработки «лишь сформулированной в западной историографии проблемы религиозных истоков русского революционного терроризма»¹⁷.

¹⁴ См.: Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX — начала XX века: Дисс ... д-ра ист. наук. М., 2006. С. 337.

¹⁵ Там же. С. 339.

¹⁶ Сибиряков И.В. История политического террора в России в начале XXI века в отечественной постсоветской историографии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2010. № 28 (204). С. 69.

¹⁷ Багдасарян В.А., Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли. М., 2004. С. 117.

В этом отношении весьма продуктивной представляется концепция аберрации религиозности¹⁸. Хронологически начало этого процесса следует отнести к 1860-м гг. Питательной средой для возникновения искаженного сознания в российском обществе станет распространение нигилистических представлений. Позднее призыв к переоценке традиционных духовно-нравственных устоев получит более широкий и глубокий смысл в творчестве Ф. Ницше¹⁹. Он первым заговорил о нигилизме как о глобальном социокультурном процессе, переживаемом западно-христианской культурой с эпохи Возрождения и представляющим по своей природе мировоззренческий переворот, трансформацию духовного фундамента традиционного общества. Но утрата веры в сверхъестественное и отказ от прежней картины мира по определению не может произойти автоматически и одномоментно в силу укорененности и устойчивости религиозных ментальных структур, что и порождает переходные формы неполного нигилизма, когда место прежнего идеала занимают иные духовные устремления, исподволь прораставшие в квазирелигиозность, в которой место Абсолюта замещается социально-политическими представлениями (возникает, по меткому выражению Л.А. Тихомирова, «социальная религиозность»). Социалистические идеи, появившиеся в ходе разложения христианской культуры Европы, обрели в эпоху Великих реформ благодатную почву в России, превратившись в материалистическую сотериологию и эсхатологию народничества²⁰.

Леворадикальная интеллигенция стала носителем религиозного суррогата, уверовав в народ как высшую ценность. В свою очередь, «народопоклонство» (Н.А. Бердяев), опираясь на христианскую этику, на представления о жертвенности и любви к ближнему, вызвало к жизни такие абсолютные нравственные установки, как самоотречение до полного растворения личности в идее служения общественному благу и прогрессу. Не случайно Э. Хоффер в числе первых призывников революции, помимо бедняков, неудачников, меньшинств, подростков, честолюбцев и скучающих, называет грешников. Самоотречение, по его словам, выступает жертвой

¹⁸ См., например: Чудинов С.И. Феномен аберрационной совести в народническом терроризме // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2010. № 1 (1812). С. 120–124.

¹⁹ Ницше Ф. Воля к власти. М.; Харьков, 2003.

²⁰ Чудинов С.И. Указ. соч. С. 121.

во имя искупления, но последнее невозможно без осознания собственной греховности: «Всякое массовое движение культивирует идею греха. Оно изображает человеческое «я» не только как бесплодное и бесполезное, но и как низменное и подлое»²¹.

Воспроизводство подобных императивов неосознанно подмечалось уже современниками. Так, солдаты-конвоиры, препровождавшие Н.Г. Чернышевского в Сибирь, испытали настоящее потрясение от встречи с государственным преступником: «...нам говорили, что мы будем охранять страшного злодея-преступника, а это святой»²². Следует заметить, что формирование квазирелигиозного культа революционных мучеников²³, хотя и было растиражировано в публикациях официальной прессы, публиковавшей сведения о ходе судебных процессов над народниками, отнюдь не исчерпывалось представлениями одной лишь экзальтированной молодежи. Процессы секуляризации общественного сознания и дехристианизации повседневной жизни и поведенческих практик в пореформенную эпоху охватили все российское общество. Вряд ли можно предположить, что в России со столь прочными основаниями традиционной культуры трансформация мировоззренческих ориентаций будет соразмерной по темпам социально-экономическому прогрессу и не подвергнется деформации. В данном случае, рассуждая об истоках и характере русского терроризма, следует учитывать влияние внешнего фактора: для молодого российского нигилизма модные направления европейской философии оказались слишком серьезным испытанием. Разгул фанатизма и насилия начала XX века был прямым следствием в том числе и десинхронизации этапов цивилизационного развития.

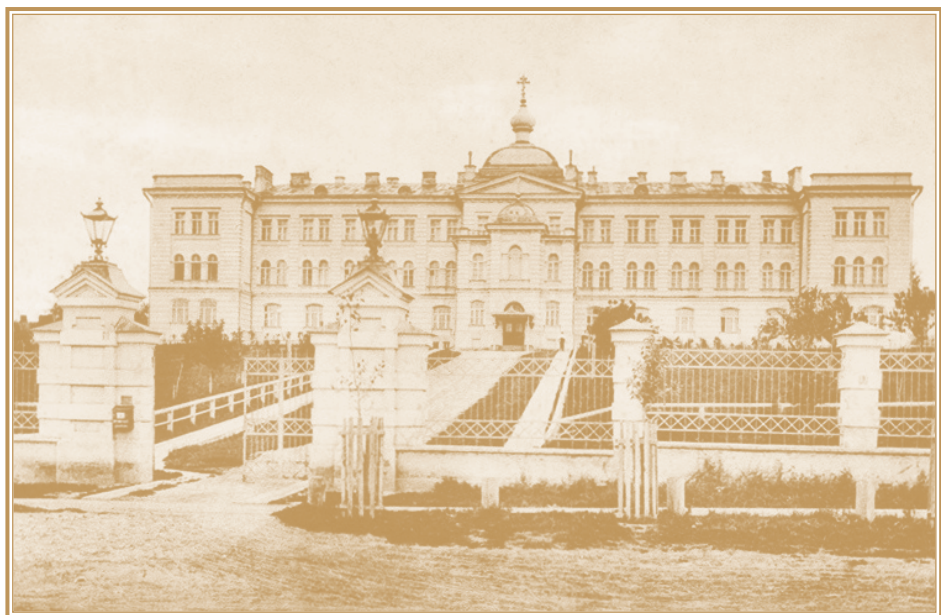
Во второй половине XIX столетия отпадение народа от церкви становится очевидным и принимает пугающие власть и руководство РПЦ масштабы. Более того, процессы деконструкции православного сознания захватывают и духовное сословие. Так, несмотря на все возможные охранительные по отношению в РПЦ меры, прирост населения и массовое строительство храмов и открытие церковно-приходских школ за период

²¹ Хоффер Э. Истинноверующий: Мысли о природе массовых движений. Перевод по изд. Нью-Йорк, 1962 г. Мн., 2001. С. 72–73 // <http://evolkov.net/cult/books/Hoffer.E> (дата обращения: 17.10.2012).

²² Цит. по: Андреева Л.А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 91.

²³ Андреева Л.А. Указ. соч. С. 91.

с 1867 по 1891 год число желающих обучаться в духовных учебных заведениях сократилось с 53,5 тыс. до 49,9 тыс. человек. Отмечается неутраченная тяга семинаристов к поступлению в университеты: в 1863 г. учащимся духовных семинарий разрешили поступать в университеты, и уже к 1875 г. семинаристы составили 64 % от общего количества студентов²⁴. В свою очередь, отмена этого разрешения в 1879 г. предопределила в последующем участие семинаристов в революционном движении.

Здание Пензенской духовной семинарии

Так, фактически эпицентром протестной активности в г. Пензе в годы Первой русской революции становится духовная семинария. Согласно рапорту пензенского полицмейстера, «6 октября [1905 г.] воспитанники 6-го класса Пензенской Духовной семинарии Милов и Архангельский подали петицию о. ректору семинарии и затем заявили ему вместе с собравшимися в саду при семинарии воспитанниками из других классов о нежелании учиться впредь до разрешения их петиции Святейшим Синодом... воспитанники семинарии до сего времени не учатся, а толпами ходят по улицам города и без всякой надобности врываются в здание семинарии и там безобразничают».

²⁴ Там же. С. 93.

В своем обращении к церковным властям семинаристы требовали возвращения права доступа в высшие учебные заведения, отмены экзаменов, кроме приемных и выпускных, реорганизации учебных программ с целью расширения преподавания естественных и общественных наук, уничтожения оценок по поведению, свободы постороннего заработка, свободы посещения всех общественных собраний, а также разрешения устройства собраний, спектаклей, библиотек, касс взаимопомощи. Для подтверждения решимости своих намерений семинаристы отказались «от всякого повиновения и подчинения училищному начальству и школьному режиму». Для прекращения беспорядков и ареста зачинщиков 9 октября здания семинарии были оцеплены ротой солдат²⁵. Занятия в семинарии были прекращены, а учащиеся — распущены по домам на неопределенное время. Однако после рождественских праздников петиционная кампания была продолжена. В феврале администрация принимает постановление о ходатайстве перед высшей властью «об исключении из семинарии без права поступления в другое высшее учебное заведение учеников, являвшихся представителями, как во время октябрьской забастовки, так и в настоящее время, а равно и проявивших себя подстрекателями других учеников...». Ответной мерой революционно настроенной молодежи стала демонстрация протеста 16 марта, когда во время педагогического собрания были выбиты окна в правлении²⁶. Семинаристов всерьез подозревали в организации серии взрывов у здания полицейского управления и в сквере у губернаторского дома 11-13 апреля 1907 г.²⁷. А в августе на ректора семинарии архимандрита Николу (П.А. Позднева) было совершено покушение, чуть не стоившее ему жизни: «26 августа около 10 часов вечера близ ворот семинарии в идущего после экзаменов домой ректора семинарии неизвестным было произведено 4 выстрела»²⁸. Завершилась революция пензенских семинаристов убийством ректора духовного учебного заведения архимандрита Николая (Н.В. Орлова) 18 мая 1907 г.²⁹.

²⁵ Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7585. Л. 7-9.

²⁶ Перестрой (Пенза). 1906. 12 октября.

²⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7665. Л. 3.

²⁸ Перестрой (Пенза). 1906. 28 августа.

²⁹ Должность ректора архимандрит Николай (Н.В. Орлов) занял 26 декабря 1906 г. // Пензенские губернские ведомости. 1907. № 110. 22 мая.

Архимандрит Никола (Позднев). В 1894–1906 гг. —
ректор Пензенской духовной семинарии

Пугающим примером процесса дехристианизации при сохранении мировоззренческой ориентации на сверхъестественное можно назвать путь в революцию Егора Сергеевича Созонова, эпистолярное наследие которого сохранилось и доступно для анализа. Он родился 26 мая 1879 г. в селе Петровском Уржумского уезда Вятской губернии в семье крестьянина-старообрядца. Отец нажил капитал на торговле лесом. «По своему духовному складу это был человек «старого закала», религиозно и верно-подданнически настроенный». Этим определялась и вся система образования в семье: «Тот дух, которым я был пропитан, пока находился всецело и единственно под влиянием семьи, — писал Е.С. Созонов в своей автобиографии, — был в высшей степени враждебен какому-либо протесту или недовольству строем жизни русской. Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца»³⁰.

Впоследствии в письме к родным, датированном 1906 г., определяя степень своего нравственного падения, он напишет нарочито подчеркну-

³⁰ Цит. по: Козьмин Б.Е. С. Созонов и его письма к родным // Созонов Е. С. Письма Егора Созонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925. С. 9–11. // <http://bibliophika.shpl.ru/book.php?book=5212> (дата обращения: 13.10.2012).

Е.С. Сазонов

то: «Я совершил величайший грех, возможный для человека, два убийства, запятнал себя кровью...

...Вы часто упрекали, что я, вкушивши науки, позабыл о боге. Дорогие мои! Земной мой поклон вам и мое вечное спасибо за то, что вы научили меня свято относиться к вопросам совести. Ведь потому-то я совершил дело, что чувствовал, что моя совесть, моя религия, мое евангелие, мой бог — требовали этого от меня. Мог ли я послушаться?.. Да, родные мои, мои революционные и социалистические верования слились воедино с моею религиею... Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми, призывал к себе всех трудящихся и обремененных и умер, как политический преступник, за людей...»³¹

Предметом поклонения, центральной идеей нового культа Созонов считал служение народу и делу. Так, в письме к отцу от 28 апреля 1906 г. он напишет: «Для меня уже нет иной жизни, иной деятельности, как жить и работать для народа». Спустя годы, уже в 1909 г., эта идея по-прежнему определяла смысл его существования в Зерентуйской тюрьме: в письме от

³¹ Созонов Е.С. Письма Егора Созонова к родным. 1895–1910 гг. М., 1925. С. 84. // <http://bibliophika.shpl.ru/book.php?book=5212> (дата обращения: 13.10.2012).

И.П. Каляев

24 ноября в своем обращении к отцу он вновь заговорил о смысле существования, словно оправдываясь за разрушенные надежды: «Я всецело отдался делу, которое считаю первым, и для родных, а также для самого себя у меня ничего не осталось. Я всего себя отдал в жертву дела, и, если получу возможность еще раз отдаться, я не задумаюсь отдаться вторично...»³²

Предельно-критического состояния идея жертвенного служения, экзальтированного представления о сверхчеловеке, когда вершиной человеческого духа признается добровольное восшествие на эшафот, достигает в образе И.П. Каляева, поэта и террориста, убившего по решению БО ПСР великого князя Сергея Александровича: «Есть счастье еще выше, чем смерть во время акта, — умереть на эшафоте. Смерть во время акта как будто оставляет что-то незаконченным. Между делом и эшафотом еще целая вечность — может, самое великое для человека. Только тут узнаешь, почувствуешь всю красоту, всю силу идеи. Весь развернешься, расцветешь и умрешь в полном цвете... как колос созревший»³³. Обратной

³² Там же. С. 299.

³³ Цит. по: Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 188.

стороной медали выступает стремление доказать собственное значение, уравновесить роль личности и силу идеи: «Фанатик жертвует жизнью, чтобы доказать свою ценность»³⁴.

Ценный человеческий материал для рекрутирования террористов поставляли неудачники, не нашедшие себе места в жизни. Яркий пример подобного психологического типа представлен в книге Б. Савинкова, в описании Покотилова: «...я с трудом узнал его. Вместо типичного жевевского эмигранта я увидел богатого русского барина с бледным лицом и длинной кудрявой золотистой бородой... В этот вечер он рассказал мне свою биографию:

— Знаете, я хотел убить Боголепова, Карпович предупредил меня... Потом — Балмашев... Я сказал, что я больше ждать не могу, что первое покушение — мне. Приезжал в Полтаву Гершуни. Было решено: Оболенского я убью. Я и готовился к этому... Вдруг я узнаю, что не я, а Качура — рабочий, ему отдали предпочтение. Он стрелял, а не я... Вот теперь Плеве. Я не уступлю никому. Первая бомба — мне. Я ждал слишком долго. Я имею на это право...»³⁵.

Решение исследовательской проблемы о различиях и генетической общности двух волн революционного терроризма в России зависит от рассмотрения социальных или даже социокультурных корней этого феномена. В этом отношении можно согласиться с мнением Т.А. Нестик о маргинальной природе носителей идеи террора вне зависимости от их финансового или интеллектуального, культурного капитала. С социально-психологической точки зрения основой терроризма будет выступать утрата веры в возможность повышения своего статуса через индивидуальные усилия, оставаясь при этом членом своей группы, сохраняя социальную идентичность³⁶. Особенно очевидным это становится в отношении представителей национальных меньшинств, принявших самое активное участие в террористической деятельности. Причем, как замечает Э. Хоффер, в случае ассимиляции личность противостоит гораздо большим угрозам маргинализации, сталкиваясь с предрассудками и многочисленными проявлениями дискриминации, поэтому, скажем, «ортодоксальный

³⁴ Хоффер Э. Указ. соч. С. 102.

³⁵ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Раздел III // http://az.lib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0010shtm (дата обращения: 17.10.2012).

³⁶ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 16.

Пензенский губернатор, генерал-майор С.В. Александровский

еврей чувствует себя меньше неудовлетворенным, чем эмансипированный еврей»³⁷. Ограничения в экономических правах, в продвижении по социальной лестнице, провокации антисемитских выступлений в купе с распространенностью идей о мессианском предназначении еврейского народа становятся мощными факторами столь масштабной вовлеченности еврейской молодежи в революционное движение. В годы революции 1905–1907 гг. в обыденном сознании национальная принадлежность нередко выступала синонимом революционного терроризма. Так, после убийства пензенского губернатора С.В. Александровского местная печать еще до выяснения личности исполнителя теракта констатировала его еврейское происхождение, а следом на страницах «Губернских ведомостей» развернулась целая дискуссия о том, можно ли крещеного еврея называть евреем и т.д.; «...не знаем, ведется ли статистика по национальностям участников в террористических преступлениях, — размышляли в редакции, — но, несомненно, общее впечатление от всех сообщений таково, что процент евреев весьма значительный»³⁸.

По данным, приведенным в работе А. Гейфман, в начале XX в. из почти 130-миллионного населения Российской империи евреи составляли

³⁷ Хоффер Э. Указ. соч. С. 72–73.

³⁸ Пензенские губернские ведомости. 1907. 31 января.

всего 7 миллионов человек. В то же время среди членов революционных партий удельный вес представителей данной национальности составлял почти 50 %, что весьма существенно отличалось от ситуации 1870-х гг., когда пропорциональное соотношение в большей степени отражало национальную структуру страны. Важно отметить, что в значительной степени действие упомянутых факторов сказывалось и на женских судьбах: до 30% женщин-членов партии социалистов-революционеров составляли еврейки³⁹.

В этих условиях можно было ожидать и резкого роста террористических выступлений на окраинах империи, и прежде всего на Кавказе и в Царстве Польском. Доступные сегодня статистические данные не позволяют точно измерить разгул терроризма в данных регионах. Часто статистические данные приводились без разделения на политические и уголовные преступления, произвольно занижались или завышались. Однако вне всяких сомнений, с началом революции антироссийская направленность деятельности революционных организаций станет одним из важнейших стимулов рекрутирования в армию террора⁴⁰. Новые технологии в деле организации политических убийств и экспроприаций не исключали, а, напротив, провоцировали масштабность применения традиционных форм насилия, включая похищение людей и кровную месть.

В Царстве Польском жажда мщения в ответ на политику русификации и насаждения дискриминационного законодательства имперской администрации получила мощнейшую подпитку со стороны оскорбленного национального чувства поляков, испытывавших ненависть к русским и страх за будущее нации. К страху примешивалось и ощущение национального превосходства, замешанного на противопоставлении польской (т.е. западнохристианской) цивилизации российскому деспотизму. Итогом тиражирования подобных настроений становится мощный всплеск насилия в период революции 1905-1907 гг. В общей сложности, по данным Н.Д. Постникова, за время революции на территории Царства Польского было совершено 3166 боевых акций. Террористические акты были совершены в 1108 населенных пунктах. Число убитых и умерших от ран воинских чинов, жандармов, полицейских за 1905 — первую половину 1906 г. составило 127 человек. Боевиками революционных организаций было совершено 443 экспроприации и нападения на государственные

³⁹ Гейфман А. Указ. соч. С. 19, 47.

⁴⁰ Там же. С. 35.

и частные учреждения⁴¹. А. Гейфман приводит данные о гибели от рук террористов в 1905-1906 гг. 790 военных, жандармских и полицейских офицеров⁴².

Эскалацией терроризма была отмечена и ситуация в Прибалтике, где наряду с индивидуальным политическим террором широкое распространение получила организация военизированных бандитских формирований, широко применявших массовый террор в отношении не только представителей власти, но и в целом всего населения. Следует признать, что далеко не все авторы склонны рассматривать эти выступления в рамках революционного движения в России. Так, по мнению О.В. Будницкого, это терроризм иного типа, выросший на национально-освободительной основе, а стало быть, вызванный другими идеологическими, политическими и психологическими причинами⁴³.

Многие исследователи отмечают решительные изменения в социальном составе террористов к концу 1906 г., когда вследствие маргинализации и архаизации политических представлений террор все более деполитизируется, вырождаясь в бандитско-уголовные экссы⁴⁴. Здесь необходимо учитывать и тот факт, что ряд политических течений (прежде всего в анархистском движении в России) изначально делал ставку на безработных и люмпен-пролетариев, из которых и планировалось создавать повстанческие отряды для борьбы с буржуазией и государством. Так, уже весной 1905 г. возникает течение анархистов-коммунистов-«безначальцев», полностью отказавшееся от легальных форм борьбы и пропагандировавшее беспощадный террор и экспроприации. Осенью 1906 г. оформилось течение анархистов-коммунистов-«чернознаменцев», одна из фракций которого особенно рьяно ратовала за «безмотивный антибуржуазный террор» («безмотивники»). Своей социальной базой последние считали преимущественно рабочий класс, ремесленников и крестьян.

Идею «рабочего заговора», нацеленного против буржуазии и нарождавшегося нового класса эксплуататоров — интеллигенции, выдвигали и

⁴¹ Постников Н.Д. Террор польских партий против представителей русской администрации в 1905—1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в. Материалы научной конференции (Москва, 24—25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 117.

⁴² Гейфман А. Указ. соч. С. 38.

⁴³ Будницкий О.В. Терроризм... С. 13.

⁴⁴ См., например: Постников Н.Д. Указ. соч. С. 115 и др. Весьма показательно, что появление «нового типа террористов» было одинаково характерным как для губерний Европейской России, так и для Королевства Польского.

так называемые махаевцы, примыкавшие к анархистскому движению в России и появившиеся в конце 1890-х гг.⁴⁵ Следовательно, не только и не столько привычка к насилию и превращение терроризма в некий фон повседневной действительности, но и трансформация отношения организующего начала (политических течений) к легальным формам политической борьбы, отказ, скажем, социалистов-революционеров от террористических методов, будет способствовать изменению «лица» терроризма.

Идея отрицания всякой власти как принуждения стала прочной основой для оправдания террористической деятельности в анархистском движении. Кроме того, известно, что представители социальных низов доминировали среди участников анархистского движения. Так, по данным В.Д. Ермакова, по выборке из 300 человек, причислявших себя к анархистам в период революции 1905–1907 гг., рабочие различных категорий (в основном неквалифицированные) составляли 63 %, служащие — 11 %, учащиеся — 17 %. И лишь 3 % принадлежали к интеллигенции⁴⁶. Этот факт тем более впечатляет, что влияние анархистских идей среди творческой интеллигенции в начале XX века было довольно существенным. Наиболее известными среди них были «мистические анархисты» (в том числе А.А. Блок, Я.В. Брюсов, И.А. Бунин и др.). Отдельные элементы анархистского мировоззрения сами анархисты отмечали в работах разочаровавшихся в марксизме философов (Н.А. Бердяева и др.). К анархизму были близки идеи ряда произведений М.А. Волошина, Ф.К. Сологуба, литературных манифестов эгофутуристов. Но вся эта увлеченность имела мало общего с деятельностью находившихся в подполье политических организаций. Как пишет Д.И. Рублев, для большинства «богемных анархистов» интерес к антиэтатистским организациям носил кратковременный характер⁴⁷. К чему можно добавить, что природа подобного внимания может быть определена интуитивной потребностью к аккумуляции представлений о всех крайних мировоззренческих ориентациях, в основе которой лежали эсхатологические настроения. И настроения эти не были уделом одиночек. Еще в 1898 г. В.О. Ключевский запишет: «Р[оссия] на краю пропасти, каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: что делать? Ответа нет»⁴⁸.

⁴⁵ Рублев Д.И. Диктатура интеллектуалов? Проблема «Интеллигенция и революция» в российской анархистской публицистике конца XIX — начала XX веков. М., 2010. С. 103–106.

⁴⁶ Приводится по: Рублев Д.И. Указ. соч. С. 107.

⁴⁷ Рублев Д.И. Указ. соч. С. 111–112, 117.

⁴⁸ Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 417.

Культ динамита и револьвера, романтический ореол мучеников за свободу особое воздействие оказывали на подростков и молодежь, вовлекая последних в непримиримую борьбу с властью. По данным А. Гейфман, около 22 % всех террористов-эсеров относились к возрастной группе от 15 до 19 лет, а 45 % — от 20 до 24. В Белостоке в 1905 г. был создан боевой отряд школьников — членов ПСР. Среди анархистов несовершеннолетние, некоторым из которых было не больше 14, встречались еще чаще⁴⁹. Трудно провести грань, отделявшую фанатичных приверженцев идеи от хулиганствующих элементов, но нельзя отрицать того факта, что стихийный террор толпы часто провоцировало именно молодое поколение. Так, интересную характеристику половозрастного состава «погромщиков» зафиксировал в свое время А. Матов: «— Как у вас это началось? — И не говори! Ребятишки, пацата да рекруты. Пришли к барской конторе утро-сь и начали хлестать окошки. Ну, из конторы все разбежались. Откуда ни возьмись рекрута и давай тащить. У Маркова где-то нашли немного вина и вылакали его. Ох, у нас рекрута, головорезы! Нам не дают проходу... — Мужики у нас смирные. Только вот эти пацата больно озорники, просто никакого сладу нет; что ведь делают: в лавках на базаре из подвалов все варенья растащили! Такие охальники, такие бесстыжие — и сказать нельзя!»⁵⁰

На угрозы («сожжем») и «озорное» поведение новобранцев, подозреваемых в поджоге имений Эйнем и Тизель при с. Любятине Пензенского уезда в ноябре 1905 г., указывают в своих показаниях свидетели, проходившие по этому делу (возраст рекрутов 21–22 года). «Крестьяне были в возбужденном настроении, много, особенно молодые рекруты, были пьяны, кричали: «Да здравствует свобода». «У одного из новобранцев В. Карпеева в руках была гармония». По рассказам очевидцев, во время пожара на усадьбе Эйнем можно было наблюдать толпу в несколько сотен человек. «Больше это все были парни да девки»⁵¹.

Образ «бунтующей молодежи» превратился в своего рода стереотипизированное клише, прочно ассоциировавшееся в представлениях крестьянства с непосредственной организацией «забастовок». Характеризуя настроение революционной деревни, А.И. Фаресов приводит любопытное свидетельство существования подобных трактовок: «В забастовку мальцы с девками ходили, — слышу я, говорят они непринужденно между собой.

⁴⁹ Гейфман А. Указ. соч. С. 240–241.

⁵⁰ Матов А. Деревенские настроения // Самарская газета. 1905. 3 декабря. С. 2.

⁵¹ ГАПО. Ф. 42. Оп. 9. Д. 43. Л. 186 об., 245 об., 340.

— Куда? — переспросил я.

— В грабильку, барин.... Теперь гулящие дни. Все равно не работают на заводе. У нас тутотка, около Барлаевской дачи, стеклянный завод у еврея»⁵².

В современной историографии достаточно широко обсуждается проблема деконструкции политико-идеологического (политико-мировоззренческого) содержания террористической деятельности, низведение последней исключительно к уголовной обусловленности. Так, цель своей монографии, посвященной русскому терроризму, А. Гейфман определяет как попытку демифологизации и деромантизации революционного движения, самой революции и ее участников⁵³. Характеризуя ситуацию 1905 г., О.В. Будницкий отмечает, что в условиях массовизации террора на смену Желябову и Перовской, Созонову и Каляеву, задававших вопросы о целесообразности насилия, о личной ответственности, о жертве и искуплении, пришли люди с иррациональной мотивацией применения насилия: «...у меня был наган, и я чувствовал, что сейчас же с оружием в руках можно начать борьбу за социализм»⁵⁴. В современных исследованиях ощущается стремление уйти от упрощенной схемы подмены содержания понятия тривиальной уголовщиной, так как это не позволяет полностью раскрыть смысловое содержание терроризма, выявить его социально-политическую природу⁵⁵.

Гораздо больше смысла в трактовке терроризма как следствия архаической политизации⁵⁶, высвобождения древнего мерила определения друзей и врагов. В этом же контексте можно рассматривать и насаждение культа возмездия в процессе роста психолого-политической нестабильности общества, спровоцированного факторами системного порядка. Политический террор и уголовные преступления роднила возможность использования ритуала как способа психологической стимуляции противоправного деяния. Как отмечал Э. Хоффер, «Умирать и убивать легче, когда это часть ритуала, церемонии, драматического представления или игры»⁵⁷. И наконец, нельзя не признать, что подобные изменения в

⁵² Фаресов А.И. Настроение современной деревни // Исторический вестник. 1906. № 3. С. 927.

⁵³ Гейфман А. Указ. соч. С. 16.

⁵⁴ Будницкий О.В. Кровь по совести... С. 208.

⁵⁵ Петухов В.Б. Указ. соч. С. 98.

⁵⁶ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа... С. 14.

⁵⁷ Хоффер Э. Указ. соч. С. 72–73.

мотивации поведенческих реакций суть результаты сознательного и планомерного тиражирования представлений о сущности и эффективности терроризма в общественном сознании, а следовательно, можно говорить о массовизации или, другими словами, демократизации ритуальной практики терроризма. Заимствование новых технологий и поведенческих стереотипов происходило на основе формального соответствия под воздействием иной культурной среды и (или) условий возникновения массовой агрессии, что не могло не вызвать определенной трансформации исходных мировоззренческих установок.

Жесткая типизация этого процесса была представлена уже в трудах современников. Так, Б.И. Горев, характеризуя «анархистские типы» эпохи революции, выделяет не идеологические, а скорее социально-психологические критерии: «...три главных русских анархизма — Белосток, Екатеринослав и Одесса создали и три наиболее распространенных типа русских анархистов: еврейского ремесленника, по большей части почти мальчика, нередко искреннего идеалиста и смелого террориста; заводского рабочего-боевика, непосредственную натуру, который, как екатеринославец Федосий Зубов, «ни одной книги не прочел, но в душе — анархист», ненавидевший всякую власть «до боевого стачечного комитета включительно», и, наконец, одесского «налетчика» — прожигателя жизни». К ним Горев добавляет еще и «интеллигента, обыкновенно бывшего с.-д. или с.-р., оратора и демагога, а также крестьянина... поджигавшего помещичьи усадьбы или вступившего в шайку «лесных братьев»⁵⁸.

Попытки же деромантизации терроризма, ограничения его содержания лишь уголовным началом предпринимались и в начале XX века, в официальной прессе, в публичных выступлениях консервативных политиков. Однако борьба не с терроризмом, а с террористами, т.е. не с причиной, а со следствием, не принесла ожидаемого эффекта. И сегодня эта проблема отличается таким же драматизмом, как и сто лет назад. Игнорировать существование определенных аналогий не приходится. Так, социопсихолог из университета Пенсильвании М. Сейджмен на основе изучения более 500 биографий террористов пришел к выводу о вполне нормальном психическом состоянии подавляющего большинства исследованных им личностей. Созданный им портрет современного террориста оказался очень похожим на революционеров конца XIX — начала XX вв.:

⁵⁸ Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм... С. 261–262.

образованный, космополитично настроенный, романтический борец за справедливость и правду⁵⁹.

С другой стороны, нельзя не заметить очевидного: на героизацию образа террориста влиял масштаб и статус выбранной жертвы. Даже по формально-юридическим признакам цареубийство, покушения на министра внутренних дел, председателя совета министров не были событиями рядового порядка. На страницах прессы в искаженном пространстве слухового поля разворачивалась информационная война за сознание обывателя. О.В. Будницкий определяет ее проявление как «воспитательное» воздействие терроризма. Революционный террор оказался не только эффективен — он был эффектен⁶⁰. Ведомая страхом официальная печать исподволь становилась средством пропаганды и трансляции идеи насилия, публикуя материалы судебных процессов над народовольцами и т.п. С другой стороны, по мнению Д.А. Гаврина, индивидуальный политический террор начала XX века, несмотря на громкие убийства, не оправдал надежд его вдохновителей в полной мере и остался лишь памятным жутким историческим феноменом⁶¹.

Используя метод исторической ретроспекции, мы сможем подтвердить тезис о высокой степени воздействия террора на массовое сознание. Согласно современным исследованиям Левада-Центра, 78-86 % респондентов постоянно опасаются того, что они сами или их близкие окажутся жертвами теракта. Треть респондентов боится терактов очень сильно, а в экстремальные периоды интенсивность психологической реакции способна достигнуть панических настроений⁶².

А. Гейфман пишет о том, что эскалация индивидуального террора расшатывала политические и социопсихологические основы российской власти, особенно в период после 1905 г. Террористы работали на подрыв государственной системы убийствами не только крупных государственных деятелей, но и тысяч низших военных и гражданских чинов, надломив волю правительственного аппарата. Этим и объясняется паралич власти в марте 1917 г.⁶³. Однако вряд ли революционный террор исчерпывает собой все содержание системного кризиса, не всегда всплеск террористической активности исключительно по причине масштабности насилия

⁵⁹ Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа... С. 6.

⁶⁰ Будницкий О.В. Терроризм... С. 354.

⁶¹ Гаврин Д.А. Указ. соч. С. 157.

⁶² См.: Петухов В.Б. Указ. соч. С. 96—97.

⁶³ Гейфман А. Указ. соч. С. 345.

провоцирует панику, граничащую с распадом государственности. Необходимо отыскать особый вектор террора, превративший насилие в имманентную характеристику российской истории XX в.

Весьма показательно, что в условиях массовизации террора официальная печать выработала весьма действенные методы разрушения ореола мученичества. Террористический акт обезличивался: в публикациях довольно явно прослеживается сознательный уход от описания террориста, нет ни имени, не национальности, все характеристики носят уничижительно-уголовный оттенок. В то же время все внимание — именам пострадавших от теракта, подробно с мельчайшими деталями описываются мучения случайных жертв. Так, освещая события, связанные с убийством пензенского губернатора С.В. Александровского, «Пензенские губернские ведомости» 27 января 1907 г. сообщали: «Увидев себя в безвыходном положении, убийца, прижавшись между печкою и стеною на лестнице, выстрелил себе в голову, пуля прошла насквозь. ... О личности убитого ничего не известно. Несомненно одно, что он приезжий. По типу лица подозревают еврейское или восточное происхождение, он молодой человек 22-25 лет». И здесь же: «Бросившийся, чтобы схватить убийцу, декоратор Румянцев получил пулю в живот, которая засела в поясницу, положение жертвы безнадежное». Внимание читающей публики концентрировалось на жертвенности иного рода: газета сообщала о гибели людей, пытавшихся воспрепятствовать убийствам. Покушение произошло 25 января в театре после окончания представления. В толчее спешивших к выходу людей подозрительного человека с браунингом никто не заметил: он выстрелил практически в упор. Следом за губернатором погиб помощник полицмейстера М.Я. Зарин, пытавшийся остановить террориста, и городской М.А. Саблин. Похороны жертв теракта состоялись 28 января на Мироносицком кладбище г. Пензы: «Процессию сопровождали тысячи народа».

С другой стороны, это не исключало рефлексии по поводу причин гибели чиновников высшего ранга. Приводимые характеристики четко фокусировали внимание читателя на укорененности идеи насилия, мнимой коррупционной составляющей и пр., но главным обвинительным мотивом (с точки зрения террористов) было непосредственное участие того или иного представителя власти в подавлении оппозиционного движения в империи. Террор прикрывался идеей возмездия. Так, относительно причин гибели ректора пензенской духовной семинарии архимандрита Николая (Н.В. Орлов) в «Пензенских губернских ведомостях» 31 мая 1907 г. сообщалось: «...террористическое настроение, которое мы переживаем, или прежняя его служба». В 1903—1905 гг. он занимал должность ректора

Минской семинарии, где произошли крупные беспорядки и было исключено около 200 семинаристов. После применения столь непопулярных мер он вынужден перебраться в Кострому, а затем — в Пензу.

Градоначальник Санкт-Петербурга, генерал-майор В. Ф. фон-дер Лауниц

Бескомпромиссная жесткая борьба с революционной анархией стоила жизни тамбовскому губернатору, а впоследствии градоначальнику Санкт-Петербурга В.Ф. фон-дер Лауницу. Выдержав 15 покушений на свою жизнь, Лауниц был убит 21 декабря 1906 г. во время освящения храма в санкт-петербургском институте экспериментальной медицины⁶⁴. Были и случайные жертвы. Так, пензенский губернатор С.А. Хвостов погиб 12 августа 1906 г. во время взрыва дачи П.А. Столыпина в Петербурге, в ходе которого пострадало более 100 человек (27 из них погибли на месте).

Размышляя о мотивах террористических актов, В.В. Розанов в очерках, посвященных гибели П.А. Столыпина, последовательно проводит мысль о том, что основное содержание современной идейной борьбы — это противодействие русского национализма космополитизму, породившему ре-

⁶⁴ Гаврин Д.А. Указ. соч. С. 155–156.

волюцию и стремлению определенных сил к захвату власти; «...та непрерывная злоба, в которой воспитывается общество против «правительства», и это воспитание почему-то называют газетной «политикою» и «тактикою партий», — вопрошает автор, — неужели это не есть именно тот гнилой и пунцовый туман, из которого сами собою выползают жабы террора»⁶⁵.

Уникальность российского варианта революционного насилия А. Гейфман видит в систематическом и частом его применении. Российский радикализм, по ее мнению, власть провоцировала своей политикой «нерешительной беспощадности — либо слишком жесткими, либо недостаточными мерами», что только вызывало недовольство общества, не избавляясь при этом от оппозиции⁶⁶. Действительно, в своей автобиографии Е.С. Созонов напишет, что его участие в студенческих волнениях (в виде протеста против отдачи петербургских и киевских студентов в солдаты) было стихийным порывом против несправедливости. Сам он в тот момент не имел малейшего представления ни о революции, ни о социализме. Его революционным университетом стала Бутырка, за которой последовали высылка из Москвы и снова арест за хранение запрещенной литературы. «Да, правительство сделало из меня революционера, — напишет Созонов, — оно само объявило меня вне закона, само толкнуло меня в революционные ряды... Когда я бежал из Сибири, я чувствовал, что за моей спиной стояли кровавые призраки, не оставлявшие меня ни днем, ни ночью, шептавшие мне: ты должен, ты должен пойти на Плевэ. Когда я узнал, что творится министрами в России, я чувствовал себя не вправе пользоваться благодеянием и мирным житием. Мирная деятельность лично для меня уже невозможна»⁶⁷.

Арест и ссылка (часто только по факту обнаружения нелегальной литературы) самым решительным образом ломали мировоззрение вчерашних студентов, пополнявших теперь ряды непримиримых и бескомпромиссных борцов с властью. Анализируя путь в революцию М. И. Швейцера, сына смоленского купца-банкира, ставшего одним из руководителей Петербургского боевого отряда ПСР в 1903 г., и Г. А. Ривкина, сына врача-дантиста, участника декабрьского вооруженного восстания в Москве, нала-

⁶⁵ Розанов В.В. Преступная атмосфера // Розанов В.В. Собрание сочинений. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.). М., 2011. С. 226.

⁶⁶ Гейфман А. Указ. соч. С. 348–350.

⁶⁷ Цит. по: Козьмин Б.Е. С. Созонов и его письма к родным... С. 14.

Пензенский губернатор С.А. Хвостов

дившего производство взрывчатки для повстанцев, этот факт убедительно доказывает И.А. Кипров⁶⁸.

Подобные заключения не противоречат выводам современных исследователей. В частности, О.В. Будницкий отмечает, что возникновению и живучести терроризма в России способствовала в значительной степени сама власть: «...власть изначально придавала революционерам чрезмерное значение, возвышая их тем самым и в собственных глазах, и в глазах общества. Власть рассматривала террористов как, по существу, равную сторону, ей противостоящую»⁶⁹. Такие оценки политики противодействия террору активизировали усилия исследователей в деле изучения нормативно-правовой базы, организационной структуры и деятельности правоохранительных органов дореволюционной России⁷⁰.

⁶⁸ Кипров И.А. Политический террор в провинции: штрихи к портретам видных террористов накануне и в период революции 1905–1907 гг. (на материалах Смоленской губернии) // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в. Материалы научной конференции (Москва, 24–25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 100–103.

⁶⁹ Будницкий О.В. Терроризм... С. 339.

⁷⁰ См.: Суворов А.И. Борьба с терроризмом в России в XIX — начале XX века. (Историко-правовое исследование антитеррористической деятельности правоохранительных органов дореволюционной России). М., 2002.

Выводы авторов, мягко сказать, неутешительны. Политика по совершенствованию следственно-розыскной и судебной деятельности, ужесточению карательных мер по отношению к террористам носила откровенно реактивный характер. Каждый этап реформирования системы можно уверенно просчитать по террористическим актам. Так, после покушения Каракозова появилось первое сыскное секретно-розыскное отделение при канцелярии петербургского градоначальника. После покушения на царя, совершенного Соловьевым в апреле 1879 г., страну разделили на шесть временных генерал-губернаторств. После убийства главноуправляющего III Отделением и шефа корпуса жандармов генерала Н.В. Мезенцова (август 1878 г.) рассмотрение дел по обвинению лиц в вооруженном сопротивлении властям или нападении на чинов войска и полиции было передано в военные суды, что предполагало ускоренную и упрощенную процедуру прохождения. Взрыв в Зимнем дворце в феврале 1880 г. с большим числом жертв привел к созданию Верховной распорядительной комиссии и соподчинение ей всех правоохранительных органов, а затем упразднение III Отделения с передачей всех охранительных функций вместе с Корпусом жандармов Министерству внутренних дел⁷¹.

По мнению С.А. Кокорина, Россия в XIX и в начале XX в. допустила nepазволительную медлительность в деле совершенствования уголовно-правовых мер по борьбе с терроризмом, что послужило дополнительным фактором, провоцировавшим рост масштабов данного феномена. Автор отмечает, что даже в формулировках принятого 22 марта 1903 г. Уголовного Уложения законодатель явно избегал использования терминов «террористический акт», «террор» или «терроризм», произвольно маркируя их как уличные неологизмы, что косвенно свидетельствовало о запоздалой реакции на изменение социально-политической обстановки в стране. Более того, в статьях главы 3 не указывалось иных объектов «посягательства на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность», кроме особы императора и членов его семьи, хотя в «террористической войне» народников с правительством погибло множество государственных деятелей высшего эшелона, чиновников среднего звена и рядовых граждан государства⁷².

Более адекватным менявшимся реалиям было содержание ст. 126 Уголовного Уложения, которая устанавливала ответственность за участие

⁷¹ Суворов А.И. Антитеррористическая деятельность в дореволюционной России // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 101–102.

⁷² Кокорин С.А. Меры уголовно-правовой борьбы с терроризмом в России в начале XX в. // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2011. № 1. С. 64.

в сообществе, заведомо ставившем своей целью ниспровержение существующего в государстве общественного строя посредством взрывчатых веществ или снарядов⁷³.

Показательно, что ст. 126 устанавливала ответственность за отложенный умысел. Преступление считалось оконченным с момента вхождения лица в такое сообщество, независимо от того, сделаны ли уже какие-то приготовления или тем более покушения и предполагало наступление ответственности в виде каторги на срок до восьми лет или ссылки на поселение⁷⁴.

Борьба за наведение порядка имела своим результатом более 10 000 смертных приговоров только в трехлетие с 1905 по 1908 г., в то время как за период с 1866 по 1900 г. в России, по официальным данным, было казнено 420 человек. Николай II стал первым царем из династии Романовых, при котором произошел расстрел мирного населения. По далеко не полным данным, только за 1905 г. в России в ходе столкновений с войсками и полицией погибло более 14 000 человек, и это не считая погибших во время черносотенных погромов в десятках городов. Только в Одессе 18–22 октября 1905 г. погибло более 1000 человек, в том числе 400 евреев⁷⁵. Не гнушались тактики террора и монархические организации. Наиболее на шумевшими террористическими актами черносотенцев были убийства двух членов ЦК кадетской партии — М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса, бывших депутатов мятежной Государственной думы, 18 июля 1906 г. и 14 марта 1907 г. Как отмечает С. А. Степанов, боевые дружины черносотенцев по своему социальному составу мало чем отличались от анархистских и формировались из обитателей городского дна и уголовных элементов⁷⁶.

Неоднозначным выглядит и процесс трансформации социального восприятия феномена революционного терроризма. На мой взгляд, героизацию насилия в общественном сознании необходимо изучать в том числе и в контексте распространения либерализма в России. В этом отношении в народовольческо-эсеровском терроре мы встретим «приглашение общества к сотрудничеству и безусловное желание найти союзника в лице либералов, тех

⁷³ Там же. С. 65.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Пушкарева И.М. Российское общество начала XX в. и индивидуальный политический террор // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в. Материалы научной конференции (Москва, 24–25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 45–46.

⁷⁶ Степанов С.А. Черносотенный террор 1905–1907 гг. // Индивидуальный политический террор в России XIX — начало XX в.: Материалы научной конференции (Москва, 24–25 марта 1995 г.). М., 1996. С. 123.

либералов, которые оправдали Засулич»⁷⁷. Шагом вперед: от отторжения и неприятия убийства до понимания всей неоднозначности проблемы можно рассматривать противоречивое отношение к террористам позднего Достоевского: «Наказание неуместно», — сказал автор «Бесов» Г. Градовскому в зале суда над Засулич в ожидании вынесения вердикта присяжных⁷⁸. Известно, что с просьбой о помиловании цареубийц к Александру III обращался Л.Н. Толстой, к тому же призывал в своих публичных выступлениях и Вл. Соловьев. Следующим шагом стала трансляция либеральных идей и их укоренение в сознании масс. Не стоит забывать, что ценности, имеющие своим основанием требование защиты прав и свобод каждого человека, оказались восприняты носителями традиционных представлений о социальной справедливости и правопорядке. Не лишним здесь будет напомнить один из базовых принципов обычного права — принцип талиона: «око за око».

Обыденную реакцию на тиражирование подобных представлений мы встречаем в описании поездки отца Е.С. Созонова в Петербург на процесс по делу сына, записанного со слов защитника подсудимого, Н.П. Карабчевского: «Думал, до Питера благополучно доеду... не пришлось. В вагон стала публика заходить... посмотрят, постоят и уйдут. Потом и заговаривать стали. Поздравляют, руки пожимают... вы, говорят, стало быть, отец!.. Я просто диву дался, думал, сквозь землю надо провалиться, и вдруг на... Какой-то офицер с компанией в буфете с бокалом даже подходил; за здоровье, объявляет, ваше выпьем... Я просто опасаться стал, не задержали бы на какой станции. Ну нет! Жандармы посматривают вслед, а трогать не трогают...»⁷⁹

Подобную и даже более эмоциональную реакцию вызвала распространение письма М.А. Спиридоновой. Во время ее этапирования весной 1906 г. недалеко от станции Зима, как вспоминала А.А. Измайлович, «перед нашими окнами как из-под земли вырастает группа возбужденных, радостных рабочих», которые собрали состав и приехали на встречу: «Привет Марии Александровне! Привет другим товарищам! Мы посланы от рабочих станции Зима. Нас 100 человек...»⁸⁰ В своих воспоминаниях Александра Измайлович отмечает, что более всего ее затронул «молчаливый приветственный поклон»

⁷⁷ Баранов А.С. Образ террориста в русской культуре конца XIX — начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 185.

⁷⁸ Цит. по: Баранов А.С. Указ. соч. С. 185.

⁷⁹ Цит. по: Козьмин Б.Е. С. Созонов и его письма к родным... С. 9.

⁸⁰ Цит. по: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М., 1997. С. 135.

крестьян. В Сызрани поезд встречал солдатский гарнизон: «в их глазах, самым популярным актом было, конечно, убийство Сахарова, поэтому Биценко они встречали долгим несмолкаемым «ура». В Кургане рабочими был устроен грандиозный митинг в честь Спиридоновой... в окна то и дело просовывались руки с бумажками: «Напишите, пожалуйста... напишите, напишите...»⁸¹.

М.А. Спиридонова

Показательно, что появление волн террора в российской истории было напрямую связано как с утверждением теории оправданного терроризма в общественном сознании, с одобрением и героизацией революционного насилия, так и с желанием соотечественников жертвовать на центральные террористические акты, с притоком финансовых средств. Так, известно, что спад интереса к терроризму в обществе к середине 1880-х гг. практически свел на нет все формы поддержки революционеров. Г.А. Лопатин, прибыв в Россию в 1883 г., не смог найти себе достойного

⁸¹ Измайлович А.А. Из прошлого // Женщины-террористки в России. Ростов н/Д., 1996. С. 388, 400–403.

пристанища⁸². В силу этих обстоятельств на рубеже веков среди социалистов-революционеров было много влиятельных противников террора, и даже его адепты не рассчитывали на применение последнего в обозримом будущем из-за неприятия террора простым народом и обществом.

В начале XX века ситуация изменилась: убийство П.В. Карповичем министра просвещения Н.П. Боголепова 4 февраля 1901 г. вызвало одобрение у либерально настроенной интеллигенции и студенчества, послание, приглашение к соучастию было услышано. Началом эсеровского террора становится убийство министра внутренних дел Д.С. Сипягина.

После Сипягина жертвами эсеровского террора стали харьковский и уфимский губернаторы Оболенский и Богданович, а 15 июля 1904 г. бомбой, брошенной Егором Созоновым, в Петербурге был убит министр внутренних дел В.К. Плеве. Либеральная публика ликовала. Теперь финансовая поддержка терроризма была обеспечена. М.И. Леонов приводит разговор К.М. Панкеева, одного из богатейших людей Херсонщины, издателя «Южных записок» и видного одесского эсера Н. Осипова: «На днях вы просили у меня денег на всякие там дела. Я сказал — подумаю. Ну а теперь вот скажу: могу дать до тридцати тысяч, но исключительно на центральный террор»⁸³. Подобные переговоры стали повседневностью революционного времени.

Впоследствии количество покушений возрастает в десятки раз: по уточненным данным установлено в 1905 г. — 59 покушения, в 1906 г. — 93, в 1907 г. — 81. Показательно, что Боевая организация за все годы своего существования совершила 11 покушений (менее 5 % общего числа). Начиная с 1908 г. фиксируется резкий спад интенсивности покушений: в 1908 г. — 3, в 1909 г. — 2, в 1910 г. — 1, в 1911 г. — 2 покушения⁸⁴. Общее же число государственных чиновников, убитых и покалеченных террористами, по данным А. Гейфман, достигло к концу 1907 г. почти 4500. Если к этому числу добавить 2180 убитых и 2530 раненых частных лиц, то общее число жертв в 1905-1907 гг. составит 9000 человек⁸⁵. Охлаждение либеральной общественности к революционерам и террору явственно проступает со второй половины 1907 г., когда сокращаются, а затем и вовсе прекращаются денежные пожертвования.

⁸² Леонов М.И. Указ. соч. С. 127.

⁸³ Цит. по: Там же. С. 133.

⁸⁴ Там же. С. 128.

⁸⁵ По мнению автора, общее количество жертв революционного террора, включая период до 1916 г. составило около 17 000 человек. См.: Гейфман А. Указ. соч. С. 31–32.

Российское общество пожинало плоды своей эмансипации. Пробуждение личности и стремление отстоять свое достоинство, развитие частной инициативы и предприимчивости расширяли рамки вседозволенности и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе и в криминальной форме, что, в свою очередь, способствовало количественному росту мелкой преступности⁸⁶. Ничего удивительного, что привычной нормой революционного времени для обывателей станет вещное выражение терроризма: огнестрельное оружие и бомба. В официальной хронике это выльется в появление специального раздела, посвященного самой актуальной проблематике: «Грабежи, убийства, бомбы». Так, 4 января 1907 г. «Пензенские губернские ведомости» сообщали: «В Пензе вчера найдена на одной квартире целая фабрика бомб и взрывчатых веществ. Владелец квартиры и соучастники арестованы». А. Гейфман констатировала, что мастерские по изготовлению бомб действовали практически во всех городах империи⁸⁷.

Зловещими символами революции 1905–1907 гг., значение которых прочитывалось в представлениях крестьянского сознания как предвестников катастрофических разрушений привычного бытия, а в более конкретном, приближенном к повседневной практике выражении как угроза существованию и человека, и общества, являлись образы «оружия» и, как ни странно, «студента». Угроза применения насилия выступала поводом для распространения панических настроений. Ключевыми словами стали: «бомба», «стреляют» и т.д. Так, «Симбирские вести» 15 июля 1906 г. сообщили о «беспорядках», произошедших во время ярмарки в с. Новодевичьем: «...В балагане представляли «Русско-японскую войну». Шла стрельба из ружей, тонули «корабли» и «броненосцы». Вдруг кто-то крикнул: «Стреляют!.. Бегите». И толпа хлынула. Сначала двинулась немного, а через миг шарахнулась вся ярмарка. — Бомбы!.. Забастовка... Жгут!.. — кричали около балагана».

Новые смыслы стали проникать и в традиционные формы социального протеста. Испытал на себе воздействие образов революции и ритуал крестьянского бунта. Размеренный ход патриархальной сельской жизни нарушала не только информация о террористических актах, поступавшая в деревню по традиционным каналам коммуникации, но и непосредственно вакханалия грабежей, представленных в виде экспроприаций на дело революции. Летом — осенью 1906 г. на территории Пензенской губернии с завидной регулярностью совершались ограбления казенных винных

⁸⁶ Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX — начало XX в. // Отечественная история. 1998. № 1. С. 38.

⁸⁷ Гейфман А. Указ. соч. С. 24.

Карета великого князя Сергея Александровича после покушения. 1905 г.

лавок, почты и пр. Описание революционеров-грабителей (объявление о своей партийной принадлежности и констатация, что деньги изымаются на нужды революции, превратилось в определенный поведенческий стереотип: «В дневной книге расписались «1906 г. 30 августа получено в пользу партии Соц. Рев. Все потребности сообщатся в Управ. Акцыз») исподволь формировало демонический образ студента: «Все трое были в форме с белыми пуговицами и с зелеными кантами на тужурках и фуражках, вооружены были револьверами и кинжалами; услышав выстрелы, они тотчас же бросились в то же окно и убежали, ничего не захватив из лавки». Два грабителя «совершенно молодые без усов и бороды»; «красные рубахи и белые платки» либо «черные блузы, подпоясанные черным кушаком, черные фуражки с бархатным околышком», «черные пиджаки и поддевки»⁸⁸. Заработала и имитация угрозы террора. Летом 1906 г. крестьяне с. Старой Толковки Нижнеломовского уезда Пензенской губернии предприняли попытку погрома экономии Э.Ф. Гартмана. Многие из почти 300 участников мятежа, по их собственным заявлениям, сделанным в ходе дознания, были своего рода «бунтовщиками поневоле», отправившихся в имение под угро-

⁸⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7676. Л. 42–51; Д. 7776. Л. 8, 24.

зами побоев или поджогов со стороны «зачинщиков». По свидетельским показаниям, один из вождей движения И. Косматов «ходил по селу в форменной фуражке и очках, которые раньше не носил».

В повседневной жизни российского крестьянства слухи о возможном появлении в селах студентов и тем более их деятельности могли вызвать распространение панических настроений, т.к. образ этот весьма тесно переплетался с понятием насилия. Этому имелись серьезные основания. В частности, как следует из докладной записки чиновника по особым поручениям Герасимова, летом 1906 г. проживавшего в с. Сычовка Буинского уезда Симбирской губ., в с. Астрадамовке «агитаторами» усиленно распространялись слухи о готовившемся будто бы в июле-августе выступлении «нескольких тысяч единомышленников» в районе Буинска и Алатыря с тем, чтобы двинуться на Симбирск, вовлекая в движение сочувствовавшие воинские части и крестьян: «По дороге толпа будет захватывать волостные правления, винные лавки и заставлять всех жителей к ним присоединяться; деревни, которые окажут сопротивление, будут сжигаться». Крестьяне с. Бессоновки Пензенского уезда той же губернии в 1906 г. после неоднократных поджогов движимого и недвижимого имущества самостоятельно арестовали 40 человек известных им «по выражению крестьян» «студентов»-революционеров и потребовали созвать сход для составления приговора «об удалении из своей среды всех арестованных «студентов»⁸⁹.

Можно ли при этом характеризовать погромные выступления российской деревни как аграрный стихийный или массовый террор? Действительно, вне зависимости от разрозненных данных о количестве выступлений нельзя не признать, что наиболее радикальные формы крестьянское сопротивление обретет осенью-зимой 1905 г. под воздействием роста социально-политической напряженности в империи и отдельных мероприятий правительства, традиционно воспринимаемых в качестве стимула социальной активности (Манифесты 17 октября и 3 ноября). В частности, как указывает В.М. Гохлернер, за первое полугодие 1905 г. в Саратовской губ. подверглось разгрому 93 экономии, в то время как за осенние месяцы было уничтожено 200 усадеб⁹⁰.

⁸⁹ Сухова О.А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза, 2007. С. 109.

⁹⁰ Гохлернер В.М. Крестьянское движение в Саратовской губернии в годы первой русской революции // Исторические записки. 1955. Т. 52. С. 230. В статье Т.М. Микстера приводятся данные о 272 разгромленных поместьях из 300 за 1905 г. См.: Микстер Т.М. (США) Крестьянские выступления в Саратовской губернии в 1905–1907 гг. // Постигая прошлое и настоящее: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. Саратов, 1994. С. 36.

Подобные же сведения встречаем и у Ф.Я. Водоватова. Пик «погромной» активности крестьянства пришелся в Самарской губернии на ноябрь-декабрь 1905 г., когда разгрому подверглось 67 частновладельческих имений⁹¹. «Почти все разгромы экономий, — пишет Н.Н. Сперанский, — в Самарской губернии начались в промежутки между 19-28 ноября, причем большинство из них имело место между 22-25 числами месяца»⁹². Как считает А.З. Кузьмин, из общего количества крестьянских выступлений в Пензенской губ. за 1905 г. (710) 327 составляли разгромы и поджоги помещичьих усадеб, причем из числа разгромленных экономий 63 были уничтожены полностью. Интенсивность выступлений здесь, по мнению автора, также резко возрастает в ноябре-декабре 1905 г.⁹³. В Симбирской губ. за эти месяцы в ходе погромного движения подверглось нападению крестьян 104 владельческих экономии из 120, разгромленных за все годы революции⁹⁴. В целом же современные исследователи насчитывают до 700 случаев разгрома или поджога частновладельческих усадеб в Среднем Поволжье за 1905—1907 гг.⁹⁵.

Осенью 1905 г. провинциальная пресса рисовала образы жуткого разгрома, превратившегося к этому времени в суровую повседневность: «Вдоль линии железной дороги на пространстве почти от Кирсанова до ближайших к Саратову станций не осталось ни одной усадьбы. Строения сожжены, имущество разграблено. Все сельские дороги усеяны обломками награбленного добра и хлебными зернами»; «Необузданность толпы превосходила все до сих пор виденное и слышанное. При погромах иногда разыгрывались чисто каннибальские оргии. Опыяненные вином, озверевшие крестьяне плясали под звуки гармоник на награбленном добре в лужах крови бесцельно перерезанного экономического скота. Очевидцы говорят, что грабители ели сырое мясо убитых животных»⁹⁶. Однако все тот же «Саратовский листок» 3 ноября 1905 г. сообщал, что случаи физического насилия по отношению к владельцам и служащим экономии носили единичный характер.

⁹¹ Водоватов Ф.Я. Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905—1907 гг. Куйбышев, 1957. С. 109.

⁹² Сперанский Н.Н. Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой русской революции // 1905 год в Самарском крае. Самара, 1925. С. 389.

⁹³ Кузьмин А.З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905—1907 гг. Пенза, 1955. С.152.

⁹⁴ Шмыгин И. Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг. // Ученые записки УГПИ. Вып. VII. Ульяновск, 1955. С. 25, 46.

⁹⁵ Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1989. С. 32.

⁹⁶ Саратовский листок. 1905. 2 ноября. С. 3.

Главное требование, предъявляемое к помещикам, заключалось тем самым в стремлении крестьян заставить своего основного противника «уволиться с насиженных мест». Уничтожение барской усадьбы и построек в координатах родового сознания выступало гарантией, что помещики не вернутся и земля останется крестьянам. Так, газета «Приволжский край» сообщала 8 ноября 1905 г.: «Рассказывают, что крестьяне свои действия объясняют так: «Земля и хлеб наши, движимость ваша, постройки же нужны нам, и мы их принесем в жертву своим предкам, из которых вы пили кровь».

Таким образом, если следовать определению террора, то погромы помещичьих усадеб подпадают под определение по критерию применения насилия или угрозы такового. Но вот только изменилась ли природа крестьянского бунта, можно ли его вписать в пространство революционного террора, а самих участников погромов назвать террористами? В ходе анализа не одного десятка крестьянских выступлений подобного рода явно прослеживается наличие определенной последовательности действий, некоего ритуала, технологии запуска массовой агрессии. Сценарий драмы при ближайшем рассмотрении включает в себя несколько основных фаз в саморазвитии погромного выступления: «согласование» переживаний через звуковые символы, зрительные образы, силу примера и т.д.; формирование образа объекта агрессии; принесение мнимой жертвы или выдвижение заведомо невыполнимых требований, т.е. провокационные действия толпы; превращение в массу, дающую анонимность действий, чувство силы и вседозволенности и, напротив, подавляющей чувство ответственности; удовлетворение потребности в регуляции сверхсильных эмоциональных состояний (в оценках мифологизированного сознания — удовлетворение свершившимся возмездием, наказанием сил зла); распад или самораспад массы. А при сравнении с крестьянскими восстаниями предыдущих эпох мы легко обнаружим совпадение алгоритма насильственных действий. Тем самым не срабатывает тезис о терроризме как системном явлении нового порядка, появившегося только в конце XIX столетия. Не решена на сегодняшний день и проблема вовлеченности крестьянства в революционную борьбу на стороне того или иного политического течения, выявления роли агитаторско-прокламационного вектора в массовых выступлениях. Архивные данные не позволяют точно высчитать удельный вес распропагандированного крестьянства в структуре бунтующей деревни⁹⁷. Скорее можно констатировать лишь то, что разгул

⁹⁷ Сухова О.А. Указ. соч. С. 110–111.

террористической деятельности выступал фактором, провоцировавшим традиционные формы крестьянского протеста, но существенно не менявшим содержание и направленность выступлений.

Новый тип крестьянина-террориста появится в 1917 г., когда в условиях черного передела и слабости репрессивной функции государства деревня перестанет соблюдать «правила», ритуальную практику бунта и погромы превратятся в массовые, нередко немотивированные акты насилия.

Как же в таком случае можно оценивать политические убийства, совершенные «всем обществом», «скопом», «толпой»? Так, в начале августа 1906 г. в с. Каменка Нижнеломовского уезда Пензенской губернии вспыхнуло стихийное восстание крестьян окрестных деревень (Кувака, Головинщина, Варежка, Студенец и др.), спровоцированное арестом бывшего депутата Государственной Думы В.Ф. Врагова. При попытке созвать сход по требованию вице-губернатора местный исправник Петров (виновник ареста депутата) подвергся неожиданному нападению около 300 крестьян: «...толпа сбила его с ног и начала зверски бить. Били чем попало, били бабы, нося в передниках камни и кирпичи, били и дети. Натешились вволюшку эти люди-звери. Даже один из них плясал вокруг трупа». Равнодушные к человеческой жизни поражает. Крестьянка П.М. Волова показала, что она вторично приходила поглядеть на убитого исправника. Он в это время был еще жив и тяжело стонал. Толпа по-прежнему не расходилась, но к раненому исправнику никто не подошел. Стоявшая крестьянка А.И. Данилушкина со злобой сказала: «...черт с ним, так ему и нужно»⁹⁸.

Таким образом, характеризуя наиболее дискуссионные проблемы революционного терроризма, следует отметить, что происхождение доброй половины из них связано с отсутствием целостной концепции, выстроенной с учетом новейших достижений в сфере методологии истории. Очевидно, что красной нитью через большинство сюжетов, представленных в данной статье, проходит главный конфликт рассматриваемой эпохи: между задачами либерализации, с одной стороны, и чрезвычайно устойчивой традиционной основой общества и своеобразием политического режима, с другой.

⁹⁸ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7664. Л. 88.

Сухова О.А.

REVOLUTIONARY TERROR IN RUSSIA: HISTORIOGRAPHY, METHODOLOGY AND FACTS

Based on Russian origin materials dated to the late 19th and beginning of the 20th centuries, the article touches upon the question of the origins and appearance of revolutionary terrorism in Russia. The author provides the essence and analyzes the explanations outlined by the scientific community. The author pays attention to the difficulty in dating the beginning and further stages of political terror in Russia, and depicting regional specificities, pointing out the importance of developing a historical-anthropological concept of terrorism. One of the key aspects of the historical-anthropological research is the study of the religious roots of Russian revolutionary terror. Analyzing this question, the author proves efficiency of the aberration concept of religiosity.

To define similarities and distinguishing features of the two waves of terror in Russia, the author turns to the social and socio-cultural background of the phenomena, showing the marginal nature of terror ideas follows.

The author states that it is important to avoid the scheme of defining terroristic actions simply as criminally liable ones—such perspective does not allow us to fully see the meanings and socio-political nature. According to the article, terror was rooted in the consequences of archaic polarization. The main conflict of the epoch can be seen in most of the cases highlighted in the article: the conflict between liberalization issues on one hand, and the extremely sustainable traditional background of society, and the specific political regime on the other.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук,
Пензенский государственный университет